

А. В. Беляков
ИРИ РАН, Москва, Россия. belafeb@gmail.com

РУССКО-СИБИРСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ПО СВЕДЕНИЯМ ТИТУЛЯРНИКА 1577 г.: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ СТАРЫХ ДОКУМЕНТОВ

В свете вновь обнаруженных источников, к которым относится Титулярник 1577 г., рассматривается история дипломатических контактов Московского царства и Сибирского ханства третьей четверти XVI в. В частности, корректируются прежняя датировка и число посольских миссий, приведших к принесению ханом Кучумом шерти в 1571 г. Анализируется история хранения отложившихся в результате этих событий архивных документов.

Ключевые слова: Кучум, Иван IV, Русское государство XVI в., Сибирское ханство, Посольский приказ, архив Посольского приказа, шерть, Титулярник

Русско-сибирские контакты конца XV – XVII в. до настоящего времени остаются слабо изученным вопросом отечественной истории. В первую очередь это обусловлено плохой сохранностью источников. Сибирские столбцы были утеряны почти полностью. Если не рассматривать памятники посольского делопроизводства конца XVI в., эпохи окончательного завоевания Сибирского ханства, то в подлинниках сохранились только четыре документа начала 1570-х гг.¹ Хотя в конце XVI в., судя по описям Посольского приказа, сибирские документы были представлены очень хорошо: «С кизылбашским и с шемахейским и з бухарским и с самарханским делом и с юргенчским и с тюменским и с визюрским и с сибирским и с казацким и с туркосанским и с ташкенским и с крымшевкаловым и з барколским делом ящички 1, 43»². Публикаторы относят данную опись к 1594 г. и связывают ее со сменой дьяка приказа: тогда Андрея Яковлевича Щелкалова заменил его брат Василий Яковлевич³. Как видно, все «восточные дела» оказались собраны компактно. О подборе документов в ящиках мы еще поговорим ниже. Сейчас же отметим, что упомянутые в описи тюменские дела относятся к Тюменскому княжеству (ханству) – государственному образованию на Северном Кавказе, располагавшемуся в низовьях реки Терек, на территории современного Северного Дагестана [Кушева, с. 230], а не к одноименному политическому образованию в Сибири. В описи Посольского приказа 1614 г. сибирские дела хранятся в похожей, но все же не идентичной комплектации: «В свяске тетрати Шемахейские, и Сибирские, и Казанские орды, старые, розных годов; а положены с нагайскими, да с казанскими, да с астраханскими книгами вместе»⁴. При этом «свяска» хранилась или, по крайней мере, описывалась в окружении посольских книг. В этой же описи известны и более ранние сибирские документы, хранящиеся отдельно: «Столпик сибирской 7072-го году, приезд к Москве сибирсково Муртозы царя татарина Ташкина; положен в тот же ящик»⁵. Показательно, что в том же ящике (№ 3) хранились бухарские, ташкентские, шемаханские, ургенчские, шевкальские документы. Однако они оказались разбавлены крымскими и шведскими делами. Похоже, мы наблюдаем смену системы хранения архивных документов в Посольском приказе вызванную структурными перестановками в среде его служащих. Если ранее «восточные (среднеазиатские) коллекции» в широком географическом понимании этого термина концентрировались строго в двух

¹ РГАДА. Ф. 131 (Татарские дела – коллекция) из фондов Посольского приказа). Оп. 2. Д. 1–4; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). СПб., 1841. Т. 1. № 179. С. 340–341.

² Шмидт С. О., Балакаева И. А. Опись государственного архива конца XVI в. // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 348.

³ Там же. С. 347.

⁴ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 107. Л. 228 об.–229.

⁵ Там же. С. 97. Л. 189 об.

ящиках, то теперь мы наблюдаем один ящик и одну связку. При этом в ящике хранятся не только документы по связям со Средней Азией. Там мы можем найти крымские и даже шведские дела. Последние довольно новые на момент составления описи, они датируются 1605/1606 и 1606/1608 гг. Однако эти документы могли оказаться здесь случайно, по недосмотру. В описи фиксируется, что «положена та рознь в сундук с крымскими делы», «а положены те тетради [с] свейскими книгами». Все же старая система хранения, похоже, еще соблюдалась. Подобная «пересортица» могла произойти как чисто механически, так и по причине того, что такие различные дипломатические направления могли достаться в ведение одному подьячему. Подобные явления в приказе отмечались во второй половине XVII в. [Гуськов]. Но вернемся к системе хранения документов. Мы вправе предположить, что в конце XVI в. в одном ящике концентрировались исключительно столбцы и отдельные документы, а во втором только дела в форме тетрадей. По всей видимости, среднеазиатские дела никогда не переплетались. Хотя в описи царского архива (1570) отмечены тюменские книги⁶. Но это было далеко не то направление, что требовало активных дипломатических контактов. Поэтому существование подобных книг все же следует поставить под сомнение. Проблема хранения первичных дипломатических документов и создание на их основе посольских книг для XVI в. является трудноразрешимой. Но все же в последние годы здесь были сделаны интересные наблюдения [Моисеев, 2018]. В дальнейшем исследования в этом направлении помогут нам разобраться с тем, как функционировало внешнеполитическое ведомство в XVI в.

В описи архива Посольского приказа 1626 г. сибирские дела еще были известны: «Столп 80-го году с октября о сибирском царе Кучюме, как он добил челом государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси и шертовал за всю Сибирскую землю, поплел и роспался»⁷. Там же отмечены и некоторые иные дела, напрямую или же косвенно связанные с Сибирью и Сибирским ханством. Но это далеко не все документы рубежа XVI–XVII вв., известные нам. При описании архива использовались некие принципы, ныне нам непонятные. Важно отметить тот факт, что от прежней нераздельной формы хранения среднеазиатских дел отказались. И это, похоже, произошло после майского пожара 1626 г. В описи архива внешнеполитического ведомства 1673 г. сибирские документы не упоминаются вовсе⁸. Это не единственный подобный факт. Можно предположить, что в какой-то момент в приказе было сформировано отдельное хранение давно вышедших из обращения документов, которые не фиксировались в описях. На протяжении XVII–XVIII столетий документы по истории русско-сибирских дипломатических контактов постепенно гибли. Определенной вехой в данном процессе стала подготовительная работа по публикации Собрания государственных грамот и договоров. Тогда в Московском архиве Коллегии иностранных дел начали снимать копии с отдельных документов. В одних случаях копии хранились наряду с подлинными источниками⁹, но в иных фондах¹⁰. В других – до наших дней дошли только списки конца XVIII – начала XIX в., оригиналы же оказались утеряны (возможно, уничтожены). Уничтожение ветхих документов, похоже, происходило и позднее, во второй половине XIX в. [Беляков, Маслюженко]. Однако при работе по подготовке к публикации дипломатической переписки Ивана Грозного нам удалось установить, что длительное время по разным причинам исследователи проходили мимо одного более чем недооцененного источника, позволяющего нам хотя бы частично восстановить целый ряд документов, считавшихся ранее утерянными.

⁶ Там же. С. 18. Л. 235 об.–236.

⁷ Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. С. 289. Л. 493 об.–494.

⁸ Опись архива Посольского приказа 1673 г. М., 1990.

⁹ РГАДА. Ф. 130 (Сибирские дела – (коллекция) из фондов Посольского приказа). Оп. 2. Д. 1–3; Ф. 131. Оп. 1. 1597 г. Д. 1–2; Оп. 2. 1570 г. Д. 3.

¹⁰ РГАДА. Ф. 109 (Сношения России с Бухарой – (коллекция) из фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии). Оп. 2. 1595 г. Д. 2.

Отдельные документы в отрывках сохранились до нашего времени благодаря тому, что в 1577 г. в Посольском приказе был создан справочник, получивший название по первым строкам рукописи: «Начало, как пишется к великим государем, к великому государю Ивану Васильевичу всеа Руси и великому государю Василью Ивановичю всеа Руси, и к великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, писаны грамоты от римских цесарей, и как начала писаны от великих государей от русских к римским цесарем и в иные разные государства и из государств». Во второй половине XVIII в. при описании дел Посольского приказа книга получила иное название: «Книга, названная ТИТУЛЯРНИК...». С этого момента данное название закрепилось за ней. В архиве хранилось 3 Титулярника, 1672, 1670 и 1577 гг. Последний был зафиксирован в описях как Титулярник № 3 и именно так и стал упоминаться в исследовательской литературе [Карамзин, примеч. 257, стб. 53]. В 1840-е гг. при переформатировании архива был создан фонд 166 («Дела и сочинения о титулах (титулярники) – (коллекция) из фондов Посольского приказа, Посольской канцелярии и Московского архива Коллегии иностранных дел»). Рассматриваемая нами рукопись попала в опись фонда под № 14. После этого следы Титулярника № 3 теряются более чем на столетие. Судя по сохранившимся бумажным биркам и упоминаниям в исследовательской литературе, одно время источник хранился под № 1 [Уляницкий, с. 60–61]¹¹. В соответствии с листом использования, данный источник в разное время просматривался целым рядом исследователей. Однако они не обратили на документ должного внимания. Единственный раз это сделал Ю. М. Эскин в предисловии к изданию текста Титулярника 1672 г. Исследователь на основании анализа филиграней ошибочно датировал Титулярник 1577 г. периодом с 1609 по 1619 г. [Эскин]. В последнее время данный источник привлек к себе пристальное внимание [Беляков, 2019а; Беляков, 2020; Моисеев, 2019; Виноградов]. Однако мы находимся только в самом начале работы по изучению и введению в научный оборот этого ценного документа.

Титулярник представляет собой рукопись в 4° на 193 + 2 л. (отсутствует л. 39). Ее размер: 195 × 145 × 30 мм. Она имеет черный кожаный переплет XVIII в. «в сумку» с ремешком длиной около 810 мм. На корешке прикреплены четыре листа бумаги. На первом написана машинописью цифра «3», ниже чернилами на прямоугольном листе «Архивъ / древний», под ним – «Титулярни[...]», на нижней бумажной бирке, отпечатанной на пишущей машинке: «№1ⁿ». Форзац представляет собой лист бумаги, приклеенный к кожаному переплету. В верхнем левом углу карандашная помета, почерком XX в.: «А.А. Гераклитов 1923 III». Правее расположена запись чернилами рубежа XVIII–XIX вв.: «№». Ниже слева синим карандашом обозначено: «№14». По диагонали написано почерком середины XIX в., карандашом по центру: «I / 23 янв. / к. I 1488-1670». Ниже чернилами указано число листов: «На 2+190 листахъ (безъ листа 39)». В книге двойная пагинация: кириллическая черными чернилами и актуальная карандашная арабская. На л. 1–2 почерком XVIII в. указан номер Титулярника: № 3 и его хронологический охват: «6997/1488 окт. – 7085/1577» и изложено краткое содержание. На л. 80 помещена приписка почерком XIX в.: «Напечат. в Собр. Гос. Грам. и Договоров. Часть II. строн. 63 №45». На л. 187 аналогичным почерком: «Напечат. во 2-й Части Собр. Госуд. Грам. под № 33 стран. 41 и 42»¹². Титулярник датируется по водяным знакам и текстам. Самый поздний помещенный в основной части текст датируется 1577 г. Рукопись возникла не ранее этой даты. Кодекс реконструировался в начале XVIII в. Вводные листы 1–2 и листы 188–190 на бумаге со знаком Герб Амстердама (на постаменте, корона без намета, на короне крест). Контрамарка (видна на л. 189 = 190) – вероятно, IDV или NB. В последнем

¹¹ На это также указывает сохранившаяся бирка – «№1ⁿ» – выполненная на пишущей машинке. Данный факт указывает на то, что во второй половине XIX в. в системе хранения Титулярника был произведен очередной эксперимент, через некоторое время признанный неудачным.

¹² В начале XIX в. в этом издании действительно были опубликованы «сибирские грамоты», а также «чин венчания на Всероссийское царство государя царя Иоанна Васильевича» (СГГД. Т. 2. С. 41–43, 63–65).

случае наиболее близким известным вариантом следовало бы признать: Дианова № 371 – 1701, 1702, 1703, 1704 гг. В основной части рукописи филигрань – Кувшин с ручкой и 4-лепестковым цветком на крышке. Близкие варианты: Брике № 12701 – 1573 г., № 12717 – 1556 г.

Рукопись представляет собой тематическую подборку выписей из посольских грамот от зарубежных правителей к московским великим князьям и царям и от русских государей к своим визави за границей. В конце также приводится текст описания чина венчания Ивана IV на царство (сокращенная редакция). Изначально упор был сделан на документы, в которых признавался царский титул. Поэтому книга начинается с выписей из дипломатической переписки с римскими цесарями и турецкими султанами. Составителей интересовали исключительно приводимые в грамотах титулы адресатов и отправителей. Несколько позднее, похоже, по такому же принципу было решено дополнить получившийся справочник выписками из дипломатической переписки с правителями иных государств. Прослеживается только один критерий отбора – наличие относительно активных контактов на момент составления книги с тем или иным государством. По этой причине, к примеру, здесь отсутствуют выписки из переписки с римскими папами или французскими королями. Строго разработанных правил для составления этого справочника не существовало, как не было и единого составителя. В книге встречаются несколько почерков. Рука конкретного писца точно соответствует тому или иному разделу сборника, посвященному контактам с определенной страной (странами). Поэтому у каждого подьячего, работавшего с документами по тому или иному направлению, прослеживаются свои подходы в выборке документов и цитат из них. Такая организация труда привела к ситуации, когда в ряде случаев помимо официальных начал и завершений грамот мы имеем примеры приведения текстов шертей и даже хода приема посольств.

Раздел, посвященный русско-сибирским дипломатическим контактам, представляет собой одно из таких счастливых исключений. Благодаря этому мы получили дополнительную информацию о посольствах рубежа 1560–1570-х гг. Раздел, посвященный Сибири, состоит из следующих документов: 1) грамота к хану Кучуму, составленная в Москве в марте 1569 г.; 2) послание от хана Кучума, полученное в Москве в сентябре-октябре 1571 г.; 3) грамота к Кучуму от октября 1571 г.; 4) текст шертной записи, составленной в Москве в октябре 1571 г., а также описание обстоятельств ее появления и порядок оформления в Сибири.

Сибирские материалы представляют собой единый блок с документами по связям с «самарханским», «бухарским», «кизылбашским» (персидским), «шамахейским», «юргенцким» царями, «шефкальским» князем, «ташкентским» царем, «нагайским» князем, «Темрюковыми детьми» (черкесские князья), «тюменским» князем. Сибирские грамоты были поставлены между образцами переписки с персидскими и шемаханскими царями. Указывает ли такое положение на некую иерархию среднеазиатских правителей, выстраиваемую в Кремле, мы не знаем. Хотя это вполне возможно. В Москве любили подобные построения. Как хронологически близкий пример можно привести текст государева родословца, в котором дается определенная шкала «честности» некоторых мусульманских государей. Вначале помещены Чингисиды. Они даны в таком порядке: цари астраханские (большеордынские), цари крымские, цари казанские. При этом они помещены сразу после князей московского дома, но перед иными Рюриковичами. Далее помещены иные потомки Рюрика, а сразу за ними, но перед остальными родами «род нагайских князей и мурз»¹³. Для нас важно другое. Получается, что система хранения документов Посольского приказа, известная на 1594 г., существовала как минимум с 1577 г.

Исторический контекст грамот выглядит следующим образом. Правитель Сибири из рода Тайбугидов князь Едигер бин Касим в 1555 или же в 1556 г. согласился на выплату дани

¹³ Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 22–23, 75–76.

Ивану IV. Его послы фиксируются в Москве в январе 1555, октябре 1556, сентябре 1557, ноябре 1558 и в 1563 г.¹⁴ Отсутствие летописных известий о посольствах за 1559–1562 гг., по-видимому, следует объяснять тем, что данные визиты со временем стали рутинной практикой. В 1563 г. Едигер был убит ханом Муртазой, возвратившим себе Сибирь [Маслюженко, Рябинина]. Тогда же в Москве оказываются вдова Едигера, дочь ногайского бия Исмаила, с сыном. В настоящее время их отождествляют с испомещенными в Коломенском уезде княгиней Суньяшой и мирзой Карамышем [Моисеев, 2017, с. 240; Беляков, 20196]¹⁵. Первый дипломатический контакт с сибирскими Шибанидами фиксируется вскоре после захвата Сибири: «Столпик сибирской 7072-го году, приезд к Москве сибирсково Муртозы царя татарина Ташкина»¹⁶. После этого они прекратились на несколько лет.

Во второй половине 1560-х гг. резко ухудшились отношения между сибирскими правителями и казахским ханом Хакк-Назаром, казахи начинают борьбу за башкирские улусы, ранее находившиеся под управлением ногаев и Кучума. В 1569 г. Хакк-Назар совершил крупный поход на Ногайскую Орду. Среди ногаев значительные потери понесли Шихмамаевичи, союзники Кучума. Он в свое время воспитывался у их отца Шейх-Мамая бин Мусы. Существует мнение, что на протяжении 1570-х гг. казахи даже собирали дань с сибирских ногайцев и татар. В сложившейся ситуации сибирскому хану нужны были новые союзники. Д. Н. Маслюженко и Е. А. Рябинина на основании прежней датировки грамот считают, что именно Москва первой напомнила о даннических отношениях с Сибирью, сложившихся еще при Тайбугидах [Маслюженко, Рябинина]. Но подобному построению противоречат сохранившиеся свидетельства. В марте 1569 г. глава миссии от Кучума (гонец?) Аис был отпущен из Москвы. 3 июня он уже был в Перми и тогда же был отпущен в Сибирь¹⁷. По неизвестным причинам некоторое время ему пришлось провести в московской тюрьме. Возможно, он был одним из членов посольства 1563/1564 г. от хана Муртазы, которых было приказано арестовать и о которых просил ногайский бий Исмаил. На самом деле тогда задержали послов как сибирского хана, так и князя Едигера. Мы не будем в данной работе анализировать события середины 1560-х гг. Эта тема уже неоднократно поднималась в литературе [Тюменское и Сибирское ханства, с. 123–128]. Поэтому вернемся к хронологии событий рубежа 1560–1570-х гг.

Можем предположить, что в 1568 г. в Москву была передана грамота от Кучума с устным обещанием платить ежегодную дань, как при князе Едигере. В ответ на это с некоторой задержкой Аиса, гонца хана Муртазы, плененного в 1563 г., отправили с посланием Ивана IV в Сибирь. Посчитав, что первое послание не дошло, Кучум, возможно, летом-осенью 1570 г. отправляет аналогичное послание, а на словах сообщает о том, что уже начал собирать дань.

Предыдущие публикаторы относят послание Кучума к 1570 г., ссылаясь на сообщение о том, что 17 марта 1570 г. в Москву было привезено письмо от Кучума из Перми князем Никитой Ромодановским, которое, в свою очередь, ему около осеннего Николина дня привез «гогулетин (вогул. – А. Б.) из Конды Ивака Ивакин сын с Пельыма. Ему же ту грамоту дали в Сибири»; но в грамоте просят отпустить неких пленников. Аиса же отпустили из тюрьмы и отправили в Сибирь уже в марте 1569 г. [Маслюженко, Рябинина]¹⁸. Данное сообщение интересно для нас еще и тем, что показывает, как в этот период организовывались дипломатические контакты. Боясь направить гонцов напрямую, Кучум посылал людей на север, в район Пельымского княжества, где, похоже, чуть ли не на предполагаемой дороге отслеживали людей, собиравшихся

¹⁴ ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 248, 276, 285, 313, 370.

¹⁵ Писцовые книги XVI в. СПб., 1872. Отд. 1. С. 472, 543–544.

¹⁶ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. С. 97. Л. 189 об.

¹⁷ АИ. Т. 1. № 179. С. 340–341.

¹⁸ АИ. Т. 1. № 179. С. 340–341; РГАДА. Ф. 131. Оп. 2. Д. 2.

в русские земли, и перепоручали им послания. Недостаток подобного подхода заключался в первую очередь в том, что при таком способе корреспонденция шла очень медленно. За это время как внешняя, так и внутригосударственная ситуации могли кардинально поменяться. Обратим внимание еще на один момент. Аиса отпустили в марте 1569 г. Значит, грамота Кучума была получена в Москве летом-осенью 1568 г. Из Перми ее могли направить весной того же года. Но в таком случае в Сибири ее должны были написать осенью 1567 г., или даже несколько ранее. Поэтому посольство 1563/1564 г. и события рубежа 1560–1570-х гг. следует рассматривать как звенья одной цепи.

В Сибири оперативно отреагировали на послание из Москвы и направили посольство. В описании послания Кучума в Титулярнике № 3 указано, что даты нет, сами же составители этого документа отмечают дату как 7080 г. Однако ответное послание царя Ивана Васильевича, размещенное ниже, имеет дату: октябрь 7080 г. Соответственно, это послание Кучума в Москве должно было оказаться не ранее сентября этого года.

Дело было известно в архиве Посольского приказа еще в 1626 г.¹⁹ Похоже, запись о принесении шерти Кучумом все еще сохраняла определенную ценность в глазах приказных служащих как документ, подтверждающий претензии Москвы на Сибирь. К концу XVIII в. грамота и сопутствующие документы составляли четыре архивных дела: 1) грамота Ивана IV (из Александровской слободы) в Москву к боярам о сибирском царе; 2) известие из Перми о сибирских делах; 3) перевод грамоты Кучума; 4) отписка из Москвы от бояр (21 марта 1570 г.) к государю Ивану IV о сибирских делах²⁰. В XIX в. отписка земских бояр, известия из Перми (17 марта 1570 г.) и грамота царя боярам были опубликованы²¹. Грамоту Кучума издали отдельно²².

В это время Кучум вел войну с Казахской Ордой и нуждался в союзниках. Он согласился выплачивать дань Москве в том же объеме, что платили Тайбугиды. Для этого в Россию отправили посла Таимаса, гонца Аиса и (абыза?) Магмед бака (бакшея?) хозе Сеипова (ходжа Сеипова) сына²³. Из Москвы они поехали с русским послом Третьяком Чабуковым и текстом шертной грамоты. Но ситуация вскоре поменялась, и в 1572 (или же в 1573) г. хан отказался от выплаты дани. Хотя первая выплата, похоже, была осуществлена.

Но есть и иное объяснение разворачивавшихся событий. В. В. Трепавлов вполне обоснованно отмечает, что государственная традиция в этом регионе (Сибирь и башкирские земли) предусматривала легитимность земельного владения только в форме пожалования от монарха. Ранее эту функцию выполнял казанский хан. После завоевания Казани она перешла к Ивану Грозному. Обращение до этого в Москву Тайбугида Едигера имело ту же природу [Трепавлов, с. 182–183]. Далее начинается другая история. Каждая из сторон видит в случившемся только то, что хочется именно ей, интерпретируя события, как выгодно ей. Здесь следует отметить только одно. Похоже, традиция подобной инвеституры была гораздо распространеннее. Аналогичная ситуация наблюдается и на Северном Кавказе. В августе 1555 г. в Москву прибыло второе черкесское посольство, возглавляемое старшим князем Жанея Сибоком. Они просили «помочь на Турьского городы и на Азов и на иные городы и на Крымского царя, а они холопи царя и великого князя и з женами и з детми во веки»²⁴. В наказе послу в Литву Савлуку Турлееву дается более развернутая картина происходящего: «А к государю приехали черкаские князи Пятигорские; а наперед сего приезжали к государю

¹⁹ Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 289. Л. 493 об.–494.

²⁰ РГАДА. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1–4.

²¹ АИ. Т. 1. № 179. С. 340–341.

²² СГГА. Ч. 2. № 42. С. 52–53.

²³ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 14. Л. 84 об.

²⁴ ПСРА. Т. 13. С. 259.

князи черкасские Алкыч князь Езбуздуков сын княжой и иные князи ото всех бити челом, чтоб их государь пожаловал, взял в свое имя. И государь их пожаловал и посылал к ним посла своего Ондreja Щепотева, и Ондрей у них был и всю землю к правде привел. И прислали, все сгласясь, к государю бити челом Сибока князя, а Цимгука князя и иных князей; и Сибок князь з братьею и с своими лучшими людьми, человек их со сто, били челом о том же, чтобы их государь с всею землею взял за себя и дань на них положил имати на всякой год по тысяче аргамаков, да ходити князем на всякие государевы службы, а с ними людем их быти на войну по дватцати тысяч». В том же наказе приводится свидетельство об аналогичной присылке от сибирского князя Едигера: «Сибирская земля по ряду с Казанскою землею; и как государь наш царь и великий князь Казань взял, и сибирской князь Едигер бил челом государю нашему с всеми сибирскими людьми, чтоб цари и великий князь пожаловал, Сибирскую землю держал за собою и дань бы с них имал, а их бы с Сибирские земли не сводил. И государь их пожаловал, дань свою на них положил давати им с сорока тысяч человек на всякой год с всякого человека по два соболя з головы, да данщику по две белки, и грамоту им свою жалованную на то дал, что их с тово юрта не сводити; а дань с них имати на всякий год без перевода; а послал к ним государь по свою дань своего данщика Дмитрея Курова сына Непейцина, а будет Дмитрий с тою данью к государю к Рождеству Христову или к Крещенью. А на службу ходити Едигерю князю со всеми воинскими людьми куды государь наш пошлет»²⁵. Кабардинские же князья продолжали обращаться за грамотами, легитимизирующими их власть, и позднее, при Федоре Ивановиче. Однако о дани в них уже не упоминается²⁶. Таким образом, мы вправе предположить, что в шертной грамоте Кучума 1571 г. также существовал пункт об участии сибирского хана в войнах на стороне московского царя.

Укажем на один важный момент. Кучуми Тайбугиды обращались за инвеститурой в Казань. Черкесы же, похоже, за тем же самым первоначально шли в Астрахань, как правопреемницу Большой Орды. Возникает логичный вопрос: когда к казанским ханам перешла эта прерогатива большеордынских правителей? Также непонятно, как выстраивались взаимоотношения между казанскими и крымскими ханами. Общеизвестно, что последние после 1502 г. претендовали на главенство в постордынском мире.

Публикаторы XIX в. точно передали текст шерти Кучума. Однако по неизвестным причинам они проигнорировали помещенную в нем дату хиджра, отметив ее место отточием. 979 г. длился с 16 мая 1571 по 3 мая 1572 г., что в целом соответствует датировке документов и подтверждается архивной описью²⁷. Но здесь возникает вопрос о том, как посольство должно было вернуться в Сибирь. Похоже, обратно они отправились в октябре 1571 г. В противном случае не было необходимости в спешке. Все документы можно было подготовить ранней весной. Но тогда участники посольства могли не успеть приехать в ставку Кучума до мая 1572 г. А это означает, что на документе следовало ставить другую дату по хиджру – 980-й. Но смогли бы они пересечь Уральский хребет в условиях надвигающейся зимы? По-видимому, горы было решено обойти южнее того маршрута, по которому ранее грамоты из Сибири попадали в Москву. Существующие исследования позволяют нам представить, по каким транспортным магистралям могла осуществляться коммуникация между Россией и Сибирью. Скорее всего, речь идет о так называемой старой Казанской дороге. В настоящее время под ней подразумевают систему дорог, «соединявших азиатскую и европейскую часть континента, проходивших через Южный Урал, включавшую в себя отдельные участки меридиональных путей, проходивших вдоль Уральского хребта». В нашем случае, похоже, воспользовались путем через область

²⁵ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 59. С. 479–480.

²⁶ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 2002. Т. 3. № 479. С. 397–399.

²⁷ Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 289. Л. 493 об.–494.

Тахчеи — транспортный коридор между Прикамьем и Сибирью, через который также можно было попасть в Среднюю Азию, в «Бухарю». Она располагалась в среднем и верхнем течении р. Сылва (и нижнем течении р. Ирень) и в верхнем течении р. Чусовая. На Сылве и в нижнем течении Чусовой Строгановы после 1568 г. ставят острожки. В июле 1573 г. именно сюда совершил набег сибирский царевич Мухаммед-Кул бин Ахмед-Гирей, когда пленил Третьяка Чабукова [Самигулов; Самигулов, Свистунов]. По-видимому, данный путь признавался как вполне удобный, если им пользовались регулярно. Ведь Т. Чабуков после возвращения из «посылки» 1571/1572 г. вновь направляется во главе дипломатической миссии за Уральские горы²⁸ и, как мы видим, частично по тому же маршруту.

Таким образом, новое обращение к давно известным историческим свидетельствам позволило нам пересмотреть последовательность событий, приведших к даче ханом Кучумом шерти Ивану Грозному. Привлечение новых источников, игнорируемых до этого исследователями Сибири второй половины XVI в., позволило нам вписать данное событие в более широкий контекст политических событий, развивавшихся на просторах некогда единой Золотой Орды. Обращение к первоисточнику шертной грамоты также дало возможность рассмотреть особенности хранения внешнеполитических документов в архиве Посольского приказа, в частности дипломатической документации, на которой основывались претензии московских царей на Сибирь. Сделанные при этом наблюдения могут быть использованы в исследовании ранних дипломатических связей Московского царства с рядом иных государств, документированных свидетельств контактов с которыми до наших дней не сохранилось.

Справочники филиграней

Брике – *Briquet C. M. Les Filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier.* Т. 1–4. Genève, 1907.
Дианова – *Дианова Т. В. Филиграния XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама».* М., 1998.

Литература

- Беляков А. В. Русско-сибирские дипломатические контакты по сведениям «Титулярника» 1577 г. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2019. С. 30–31. [Беляков, 2019а]
- Беляков А. В. Царицы сибирские // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 2. С. 372–391. [Беляков, 2019б]
- Беляков А. В. «Потерянный» источник: Титулярник 1577 г. // Российская история. 2020. № 6. С. 144–155.
- Беляков А. В., Маслюженко Д. Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum plus.* 2016. № 6. С. 229–243.
- Виноградов А. В. Сведения о дипломатических связях Русского государства и Крымского ханства в Титулярнике 1488–1577 г. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2019. С. 49–51.
- Гуськов А. Г. Новые данные о структуре Посольского приказа во второй половине XVII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2019. С. 66–68.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9. 280, 184 стб.
- Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М., 1963. 371 с.

²⁸ Куда была направлена миссия 1572/1573 г. во главе с Т. Чабуковым, в настоящее время непонятно. Если она направлялась к Кучуму, то его разгром племянником сибирского хана выглядел как полное самоуправство. Для того чтобы определить иное возможное место «посылки» – Казахская Орда или одно из государств Средней Азии, требуются дополнительные сведения.

- Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2009. № 1. С. 97–111.
- Моисеев М. В. Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 2. С. 236–247.
- Моисеев М. В. Переписка России с Ногайской Ордой в правление Ивана Грозного: документооборот и архивация посланий // Средневековые тюрко-татарские государства. 2018. № 10. С. 75–83.
- Моисеев М. В. Новые данные по истории взаимоотношений Московского государства и кавказских политических образований во времена Ивана Грозного // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2019. С. 136–137.
- Самигулов Г. Х. О локализации области Тахчей в XVI веке // Научный диалог. 2016. № 6 (54). С. 224–236.
- Самигулов Г. Х., Свистунов В. М. Что такое старая Казанская дорога? // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса; Омск, 2007. С. 66–72.
- Трепавлов В. В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб., 2018. 320 с.
- Тюменское и Сибирское ханства / А. А. Адамов, А. В. Беляков, Л. А. Бобров и др. Казань, 2018. 558 с.
- Уляницкий В. А. Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в XVI–XVII вв. По документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел. М., 1889. [2], 62 с.
- Эскин Ю. М. Введение // Царский Титулярник. В 2 т. / Под общ. ред. Ю. М. Эскина. М., 2007. Т. 2. С. 7–15.

References

- Belyakov, A. V. Russko-sibirskie diplomaticheskie kontakty po svedeniyam “Titulyarnika” 1577 g. [Russian-Siberian Diplomatic Contacts according to the *Titulyarnik* of 1577]. In *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi. Sbornik materialov X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (9–13 sentyabrya 2019 g, Moskva, Rossiya). Prilozhenie k zhurnalu “Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki”*. Moscow, 2019. Pp. 30–31. [Belyakov, 2019a]
- Belyakov, A. V. Tsaritsy sibirskie [Tsarinas of Siberia]. In *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2019. Vol. 7. No. 2. Pp. 372–391. [Belyakov, 2019b]
- Belyakov, A. V. “Poteryannyi” istochnik: Titulyarnik 1577 g. [“Lost” Source: *Titulyarnik* of 1577]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2020. No. 6. Pp. 144–155.
- Belyakov, A. V., Maslyuzhenko, D. N. Sibirsko-bukharsko-nogaiskie otnosheniya v svete perepiski bukharskogo khana Abdallakha s sibirskim khanom Kuchumom [Siberian-Bukhara-Nogai Relations in the Light of the Correspondence of the Bukhara Khan Abdallah with the Siberian Khan Kuchum]. In *Stratum plus*. 2016. No. 6. Pp. 229–243.
- Eskin, Yu. M. Vvedenie [Introduction]. In *Tsarskii Titulyarnik*. In 2 v. / Ed. Yu. M. Eskin. Moscow, 2007. Vol. 2 Pp. 7–15.
- Gus’kov, A. G. Novye dannye o strukture Posol’skogo prikaza vo vtoroi polovine XVII v. [New Data on the Structure of the Embassy Chancellery in the Second Half of the 17th Century]. In *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi. Sbornik materialov X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (9–13 sentyabrya 2019 g, Moskva, Rossiya). Prilozhenie k zhurnalu “Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki”*. Moscow, 2019. Pp. 66–68.
- Karamzin, N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian State]. Moscow, 1989. Book 3. Vol. 9. 280, 184 col.
- Kusheva, E. N. Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei: vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII v. [The Peoples of the North Caucasus and Their Relations with Russia: the Second Half of the 16th – 30s of the 17th Century]. Moscow, 1963. 371 p.
- Maslyuzhenko, D. N., Ryabinina, E. A. Restavratsiya Shibanidov v Sibiri i pravlenie Kuchum khana vo vtoroi polovine XVI v. [Restoration of the Shibanids in Siberia and the Rule of Kuchum Khan in the Second Half of the 16th Century]. In *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 2009. No. 1. Pp. 97–111.
- Moiseev, M. V. Zemlevladenie sluzhilykh tatar v Kolomenskom uезде v kontse XVI v. (predvaritel’nye zamechaniya) [Land Ownership of Service Tatars in the Kolomensky Uyezd at the End of the 16th Century (Preliminary Remarks)]. In *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*. 2017. No. 2. Pp. 236–247.

Moiseev, M. V. *Perepiska Rossii s Nogaiskoi Ordoi v pravlenie Ivana Groznogo: dokumentooborot i arkhivatsiya poslanii* [Correspondence of Russia with the Nogai Horde during the Reign of Ivan the Terrible: Document Management and Archiving Messages]. In *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 2018. No. 10. Pp. 75–83.

Moiseev, M. V. *Novye dannye po istorii vzaimootnoshenii Moskovskogo gosudarstva i kavkazskikh politicheskikh obrazovaniy vo vremena Ivana Groznogo* [New Data on the History of Relations between the Moscow State and the Caucasian Political Entities in the Time of Ivan the Terrible]. In *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi. Sbornik materialov X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (9–13 sentyabrya 2019 g., Moskva, Rossiya). Prilozhenie k zhurnalu "Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki"*. Moscow, 2019. Pp. 136–137.

Samigulov, G. Kh. *O lokalizatsii oblasti Takhchei v XVI veke* [On the localization of the Takhchei Region in the 16th Century]. In *Nauchnyi dialog*. 2016. No. 6 (54). Pp. 224–236.

Samigulov, G. Kh., Svistunov, V. M. *Chto takoe staraya Kazanskaya doroga?* [What is the Old Kazan Road?]. In *Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Odessa; Omsk, 2007. Pp. 66–72.

Trepavlov, V. V. *Simvoly i ritualy v etnicheskoi politike Rossii XVI–XIX vv.* [Symbols and Rituals in the Ethnic Policy of Russia of the 16th – 19th Centuries]. Saint Petersburg, 2018. 320 p.

Tyumenskoe i Sibirskoe khanstva [Tyumen and Siberian Khanates] / By A. A. Adamov, A. V. Belyakov, L. A. Bobrov, etc. Kazan, 2018. 558 p.

Ulyanitskii, V. A. *Snosheniya Rossii s Sredneyu Azieyu i Indiyeyu v XVI–XVII vv. Po dokumentam Moskovskogo Glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del* [Relations of Russia with Central Asia and India in the 16th – 17th Centuries. According to the Documents of the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. Moscow, 1889. [2], 62 p.

Vinogradov, A. V. *Svedeniya o diplomaticheskikh svyazyakh Russkogo gosudarstva i Krymskogo khanstva v Titulyarnike 1488–1577 g.* [Information about the Diplomatic Relations of the Russian State and the Crimean Khanate in the *Titulyarnik* of 1488–1577]. In *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi. Sbornik materialov X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (9–13 sentyabrya 2019 g., Moskva, Rossiya). Prilozhenie k zhurnalu "Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki"*. Moscow, 2019. Pp. 49–51.

Andrey V. Belyakov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

RUSSIAN-SIBERIAN DIPLOMATIC CONTACTS
ACCORDING TO TITULYARNIK OF 1577:
A NEW READING OF OLD DOCUMENTS

In the light of newly discovered sources, such as *Titulyarnik* of 1577, the history of diplomatic contacts between the Moscow Kingdom and the Siberian Khanate in the third quarter of the 16th century is examined. In particular, the previously known dates and the number of ambassadorial missions that led to the bringing of *shert'* by Khan Kuchum in 1571 are corrected. The history of storage of archival documents deposited as a result of these events is analyzed.

Keywords: Kuchum, Ivan IV, Russian State of the 16th century, Siberian Khanate, Embassy Chancellory, archive of the Embassy Chancellory, shert', Titulyarnik